

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ!

Сложно писать о Великих Людах. Во-первых, ты всегда думаешь: а сможешь ли ты показать их величие в полной мере, не переведешь ли ты такие размышления на уровень обычной “хронологии”? И, во-вторых: а имеешь ли вообще моральное право, условно говоря, оценивать их? ведь размышляя о них, ты, вольно или невольно, вынужден оценивать их, их личностные качества, их поступки?

Все эти размышления “терзали” меня достаточно долго, прежде чем я принял решение попробовать, именно попробовать, сказать несколько слов о глубокоуважаемом и дорогом Владимире Владимировиче Сташисе.

Знаете, когда говоришь о Владимире Владимировиче, очень сложно разделить свои мысли о нем на определенные “направления” этого: на его личностные характеристики, на его отношения с окружающими, на его невероятные профессиональные достижения. У меня, я думаю, сделать это четко не получится, и, вероятно, в этом и нет необходимости. В моем сознании, как, вероятно, и в подсознании, Владимир Владимирович существует как цельная, монолитная “Глыба”, которую, при всем своем желании, я не смогу, а может быть и не хочу разделять.

Итак, Владимир Владимирович Сташис – человек, которого, я, если я могу так сказать, знал достаточно близко почти сорок лет и которого я воспринимал и продолжаю воспринимать практически без всякой внутренней оценки, а образно говоря, как Эталон личности. Когда я с ним “осознанно” познакомился, то у меня сразу же возникло чувство, что это человек никогда и ничего не боялся и не боится. Он всегда, во всех ситуациях знает, как нужно поступить и именно так поступит. Так я всегда думал и думаю и о своем отце –

профессоре Стрельцове Льве Михайловиче. Когда ты становишься старше, когда ты уже много видел, то романтизма в оценке ситуаций и идеализма в оценке других людей становится “чуть меньше”, чем в пору социального “взросления”. Но как хорошо, что до сегодняшнего дня ты продолжаешь внутренне невероятно чтить, а часто и пробовать сопоставить предполагаемые или уже совершенные свои поступки с такими Авторитетами.

Такая “объединяющая” оценка может быть во многом связана с тем, что оба они “созданы” временем, в котором жили: сложное предвоенное время, участники войны, тяжелые ранения, боевые награды... Но после войны они по существу заново создали себя, раскрыв в себе новые качества, которые невероятно плодотворно проявились в деятельности в высших учебных заведениях. Может быть, такая их “похожесть” привела к тому, что после смерти моего отца в 1979 году на долгие годы я внутренне перенес это мое сыновье восприятие на Владимира Владимировича. Я думаю, что, вероятно, в целом, достаточная часть населения прежней страны, которая “взрослела” в сложных условиях, когда твоя жизнеспособность, в широком понимании этого слова, проходила все этапы естественного социально “отбора”, была такой: порядочной и высоко организованной, и которой, к сожалению, становится все меньше и меньше.

Вспоминая о Владимире Владимировиче, я хотел бы больше остановиться на тех воспоминаниях, которые у меня сохранились от личных встреч с Владимиром Владимировичем и тех его высказываниях, замечаниях, шутках, которые практически всегда имели глубокий философский смысл и кото-

рые я не только помню, но стараюсь максимально использовать в жизни. Таких философских притч, которые очень часто могли быть облачены в достаточно простые формы, было очень много. Практически все наши встречи с ним сопровождались такими выражениями. Поэтому остановлюсь только на некоторых, которые связаны с началом моих рабочих контактов с Владимиром Владимировичем.

Например, его соображения по поводу моей работы над кандидатской диссертацией. В 70-е годы прошлого века (страшно сказать) была принята новая уголовно-правовая норма, которая предусматривала ответственность за обман заказчика. Новой этап развития экономики приводил в те годы к тому, что кроме торговли и бытового обслуживания населения, государство предпринимало первоначальные шаги по созданию других отраслей, связанных с обслуживанием населения, правовым регулированием и правовой охраной их деятельности. Я попытался это как-то сформулировать Владимиру Владимировичу. Он мне ответил примерно в такой редакции: “Все это может быть. Пиши. О чем ты напишешь, я не знаю. Моя главная задача состоит в том, чтобы ты не написал “антисоветчины”. Такие слова, с одной стороны тебе дают научную свободу, с другой, пусть в шутку, но четко формулируют – контроль за содержанием будет жесткий. Следующий случай. Я написал главу, диссертации в которой попытался обосновать, что объектом уголовно-правовой охраны в исследуемом случае выступает не деятельность отдельных отраслей экономики. Взамен этого, государство целенаправленно создает специальную сферу услуг, которой ранее в нашей экономике не было, отрасли которой будут оказывать разнообразные платные услуги, и поэтому охранять следует не деятельность

определенных отраслей экономики, а платную деятельность, связанную с обслуживанием населения, которую в той или иной мере могут оказывать все отрасли этой сферы. Владимир Владимирович прочел этот раздел и я приехал для обсуждения. Владимир Владимирович меня сразу стал хвалить: “Как много материала, как много обращений к экономической литературе, какая хорошая попытка предпринята в объединении экономических и юридических положений и т.д.”. Мне это было не просто приятно, с каждым его словом я внутренне “рос”. Молодой человек, практический работник, и вдруг “сам” Сташис его хвалит! Конечно, чем больше он меня хвалил, тем больше у меня росли внутренние сомнения, но это, как я думал, от необычности ситуации. Но конец его тирады был для меня достаточно необычным, но невероятно полезным. Это вывод звучал примерно так: “Я допускаю, что тут написано интересно и верно, но для меня не очень ясно”. А потом шла сакраментальная фраза, которая стала моим путеводителем в жизни: “Квалификация хорошего юриста определяется в первую очередь тем, насколько хорошо, “простым языком” он сможет объяснить другим людям самые сложные правовые положения. Это не просто, – продолжал он, – сначала, все это нужно пропустить через себя, осмыслить самому, а только потом, “переложив” все это на “понятный” язык, – изложить другим”. Действительно, сакраментальная фраза. Во всяком случае, все, что я написал с тех пор, в своей “глубине” опирается на это правило.

Обсуждение моей диссертации с ним касалось и других аспектов, которые каждый раз получали от него словесный комментарий, который, как правило, превращался в очередное мое жизненное правило. Владимир Владимирович, как всегда, был очень занят.

Поэтому когда я направлял очередной “кусоч” своей диссертации Владимиру Владимировичу, проходило несколько месяцев, прежде чем я приглашался для обсуждения. Все это было непросто и для меня. Я работал, нужно было отпрашиваться с работы и т.д. Видимо, эти сложности понимал и Владимир Владимирович. Например, в какой-то раз он мне сказал: “Я тебе хочу объяснить, почему мы должны встречаться для обсуждения каждой главы. Понимаешь, когда мы передадим твою работу для обсуждения на кафедру, то должен понимать – Стрельцова, условно говоря, никто не знает, а Сташиса “знают все”. Поэтому работу, которую мы представим на кафедру, должна иметь необходимый уровень”. Понимаете, как Владимир Владимирович относился к установленным правилам? Раз они есть, то они есть для всех. Исключений нет!

Еще несколько замечаний, связанных с кандидатской. Владимир Владимирович свои замечания по тексту никогда не писал. Он “просто” слева на полях ставил точки, а уже в процессе беседы все это раскрывал. Конечно, все такие замечания, вне зависимости от того, были они содержательные или редакционные, были невероятно полезны. Что-то мне удавалось записать, а что-то я старался удержать в памяти. Поэтому когда я выходил из его кабинета, я тут же в приемной старался все это расшифровать.

Сидя в приемной, я обратил внимание на еще одну его особенность, которая заключалась в невероятно четкой организации работы с коллегами, причем, рамки такой работы он, оценивая сложность вопроса, определял заранее. Например, у секретаря было такое “расписание” его работы с посетителями: 14 часов, 14 часов 3 минуты, 14 часов 7 минут, 14 часов 17 минут и т.д. Т. е. никаких “разговоров”, никаких особых

“обсуждений”. Четко определенное время для каждого.

Или относительно моей работы в университете. Проректор Одесского университета профессор Иван Емельянович Середа в конце 70-х годов предложил мне перейти на работу в университет. Решение, которое я должен был принять, было для меня непростым, и я позвонил Владимиру Владимировичу посоветоваться. Он мне сказал: “Ты уже много лет работаешь на практике, у тебя хорошие показатели, хороший авторитет. В университет можно идти только тогда, когда ты станешь кандидатом наук. Тогда ты займешь и соответствующее положение”. Ничего не скажешь: отцовская рекомендация.

Или философские шутки... Например, мы стояли на улице с группой коллег. После совместного разговора, двое коллег стали от нас отходить. Владимир Владимирович взял меня под руку своей левой рукой, а указательным пальцем правой руки четко обозначил: “Лиса Алиса и кот Базилио”. Причем, это было сформулировано с учетом характеристики и внешних признаков этих людей, и их внутренних качеств. Четко, философски, совершенно необидно.

Мне очень запомнилась и одна из последних встреч с ним в Национальном юридическом университете. Он уже не очень хорошо себя чувствовал, изменил свой график посещения, перешел в статус Советника. Я был в Харькове по своим делам. Но всегда, как только появлялась минимальная возможность, я заезжал в университет и считал своим моральным долгом зайти к Владимиру Владимировичу. В этот день – это было передобеденное время – мы поговорили минут 15, и я собрался уходить. И вдруг он меня спросил: “А с кем ты у нас обедаешь?” Я ему ответил, что в этом нет необходимости, я зашел в университет специально по-

видать его и все сам сделаю. Но Владимир Владимирович сказал мне свою “очередную” сакраментальную фразу: “Но так нехорошо, ты наш гость, я тебя так не отпущу”. И не обращая внимание на свое не очень хорошее самочувствие, он пригласил меня “в бункер” на обед. Причем, это был не просто обед. Это был поэтический спектакль. Примерно час он читал стихи, преимущественно – Константина Симонова, причем, в основном на военную тематику. Целый час весь “военный” Симонов. Фантастика! Уже прошло много лет, но это я тоже всегда буду помнить.

К сожалению, всего не вспомнишь сразу, такие воспоминания приходят “вдруг”, когда ты начинаешь о чем-то конкретно думать.

Причем все это, включая его шутки, высказывания, чтение стихов делалось без всякой пафосности, без всякого наиздания. Это высказывалось, скорее, как-бы для себя. Позднее я понял, что несмотря на разницу между нами по всем показателям, он, вероятно, никогда не хотел стать для меня поучающей персоной, может быть, он не хотел меня обидеть, а, может быть, его внутренняя деликатность не давала возможности это сделать.

Конечно, он внешне для очень многих других людей был совершенно иной: жесткий, безапелляционный, не допускающий не только возражений, даже намерений что-то сказать. Но теперь ты понимаешь, что, может быть, в управлении и не нужна мягкость, может быть, лучше навязать решение, чем дать повод для обсуждения, которое неизвестно чем может закончиться.

По моему мнению, вообще не следует думать, что с Владимиром Владимировичем всегда было легко. Но кто

сказал, что с личностью может быть легко. Ведь личность оперирует другими категориями. Например, как в нем сочеталось: внешняя жесткость и целый час “военный” Симонов? Так, может быть, это не он для нас сложен, а мы до него не дотягиваем?

Ведь авторитет Владимира Владимировича не только все эти годы был постоянно высоким, он, я не побоюсь этого слова, рос постоянно. Причем, если два десятка лет тому назад, это могло иметь какое-то, условно говоря,

формальное объяснение, связанное с тем, что в Украине было все несколько юридических вузов, и он занимая должность первого проректора Харьковского юридического института, благодарю которому этот вуз стал основным в системе подготовки юридических кадров, причем, не только для Украины. Или то, что 20 лет он был председателем учебно-методической комиссии министерства образования, много лет возглавлял Экспертный совет по праву при Государственной аккредитационной комиссии Украины и был непосредственно причастен к разработке стандартов юридического образования. Поэтому в те времена профессора В. В. Сташиса знала не только вся юридическая общественность, но и вся страна. Но это было не только, условно говоря, тогда, но и сейчас, когда диплом юриста, то сейчас по данным Министерства образования и науки, можно получить больше чем в 250 вузах разного уровня аккредитации и различной формы собственности. Владимир Владимирович уже “немного” отошел от непосредственно активной деятельности, его авторитет продолжал расти.

В целом, уровень его осмысливания ситуации в стране, в своем городе, в своем вузе был не только невероятно высок. Он всегда, как мне кажется, всегда размышлял стратегически. Причем, и его решения, имели такую же направленность. Например, у Владимира Владимировича есть очень много не просто хороших, а грандиозно хороших дел, которые вывели юридическое образование и юридическую науку Украины на новый, безусловно, значительно более высокий уровень. Всех их объективно не перечислить.

Возьмем, например, только одно из них: это создание Национальной академии Правовых наук Украины. Вместе с постоянным Президентом НАПрН Украины академиком В. Я. Тацием они были прародителями идеи и основными организаторами ее создания. Я уверен, что это было совсем не просто, и им пришлось прикладывать невероятно много усилий для создания этой государственной научной организации, члены которой сегодня гордятся своей принадлежностью к ней, а многие уважаемые коллеги стремятся попасть в нее.

Во всяком случае, вероятно все мы в своей жизни что-то планируем, пытаемся претворить наши планы в конкретные дела. Академик Владимир Владимирович Сташис не просто планировал и реализовывал. Он все это делал на невероятно высоком уровне. Именно поэтому он стал Героем Украины, Академиком, Генералом! И это все лишь внешнее закрепление его внутренних качеств, его внутренних возможностей, его внутренней ответственности и самоорганизации. И еще он был не просто преподавателем, не просто научным руководителем, не просто советчиком. Он был и остался Учителем для многих людей, в том числе и для меня...

Конечно, с возрастом, с приобретением жизненного опыта, как я уже говорил, много меняется. Ты становишься опытнее, лучше понимаешь людей, жизнь тебя “заставляет” становится более прагматичным при принятии решений. Но как хорошо, что до сих пор ты “по-юношески” уверен в том, что были два человека в твоей жизни, которые никогда и ничего не боялись и всегда знали, как нужно поступить. Этой мой отец Лев Михайлович Стрельцов и мой Учитель Владимир Владимирович Сташис!

Стрельцов Евгений Львович,

Доктор юридических наук, доктор теологии, профессор, член-корреспондент НАПрН Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины